

Валентин Пикуль

Вечная «карманная» слава

Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Вечная «карманная» слава

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Вечная «карманная» слава / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Кровь, слезы и лавры)

«Мы хохочем над анекдотами, даже не спрашивая, кто их выдумал. Мы включаем магнитофоны, чтобы прослушать нового барда, но стихов его не видим в печати...»

Валентин Пикуль

Вечная «карманная» слава

Мы хохочем над анекдотами, даже не спрашивая, кто их выдумал. Мы включаем магнитофоны, чтобы прослушать нового барда, но стихов его не видим в печати. Так бывало и в старину, когда поэты утешались подпольною славой, которую называли тогда «карманной». В подобных случаях тиражи зависели не от каприза издателей, а лишь от популярности в публике, не жалевшей чернил и бумаги ради поощрения анонимной музыки. «Карманная слава, – писал Денис Давыдов, – как и карманные часы, может пуститься в обращение, миновав строгости казенных досмотрщиков. Запрещенный товар подобен запрещенному плоду: цена его удваивается по мере строгости запрещения...»

А что тут удивляться? Мы ведь каждый день поедаем хлеб, но я ни разу не слышал, чтобы голодный сказал:

– Не стану есть, пока не узнаю, кто этот хлеб посеял.

Ты, мой милый, так и загнешься с голоду, никогда не узнав автора урожая. После такого вступления, весьма далекого от героики, лучше сразу отбить дату – 1790 год...

– Охти мне, бедному! Даже поспать не дают человеку...

Да, тогда не ленились. Служить начинали в самую рань, да и пробуждались с первыми петухами. Нищие торопились к заутрене, чтобы занять место на паперти, взывая о милости, а государственные мужи облачались в мундиры, дабы не опоздать к исполнению служебного долга. В пять часов утра, когда Петербург досматривал последние сны, Екатерина II сама выводила на двор собачек, сама заваривала кофе покрепче, а в приемной ее царственных покоев уже позевывали невыспавшиеся сановники, готовые к докладам по делам государства. Но первым входил к императрице румяный с мороза мальчик в ладной форме преображенца и вручал коронованной женщине деловую «рапортничку» о состоянии в войсках гарнизона за минувшую ночь.

– Матушка, – говорил он, – драк и пожаров не было, а сугубо пьянства в казармах не примечено...

Сама несчастная в материнстве, чуждавшаяся своих детей, Екатерина была заботлива к чужим – особенно к сиротам.

– Замерз, Сережа? – говорила она. – Ну, садись к камину, погрейся. Только не мешай мне с людьми разговаривать.

Разморясь в тепле, под говор докладчиков, которых выслушивала Екатерина, мальчик иногда засыпал в её креслах, дремотно познавая базарные цены на дрова, треску или сено, что замышляет Австрия или о чем думают в Англии. Если кто из сановников спрашивал о ребенке, императрица поясняла:

– Пусть спит. Будет офицером полка лейб-гвардии Преображенской... В полку-то ему лучше, нежели при мачехе. Он у меня в библиотеке Буало и Вольтера смакует.

– Сам-то из каких будет?

– Воронежский. Из дворян Мариных...

Марины завелись на Руси от итальянского архитектора Марини, приехавшего в Москву со знаменитым зодчим Альберти Фиораванти, прозванного русским «Аристотелем». В глубокой давности Марины служили России мечом, отливали колокола и пушки, при Иване Грозном были «розмыслами» – инженерами. Сергей Никифорович Марин (наш герой) родился в Воронеже, где окончил народное училище. Отец, женившись вторично, сдал сына в военную службу, уповая на то, что под знаменами гвардии не пропадет. Это правда: отнеся «рапортничку» императрице, отрок весь день оставался свободен, отдаваясь любимой словесности и чтением французских классиков. Отправляя сына в столицу, отец дал ему крепостного парик-

махера Игнашку, который не только завивал букли своему барчуку, но и почасту пропадал в трактирах столицы. Сережа Марин не раз вызволял своего холопа из пьянственного угара, стыдил его:

– И не совестно тебе мои же деньги пропивать?

Игнашка плелся следом за ним, оправдываясь:

– А я, сударь, не все пропил! На самую остатнюю копейку пирожок купил твоей милости... Не побрезгай, иначе, гляди, я сам его съем за милую душу!

Но однажды из пирожка отрок зубами вытянул крысиный хвост и стал бранить Игнашку, на что тот резонно отвечивал:

– Эва, сердитый какой! Так за копейку не с брильянтами же пироги продают, а ты хвоста мышиного испугался... Ешь! Я для своо барина жизни не пожалею...

Марину исполнилось двадцать лет, когда на престол вступил Павел I, и гатчинские порядки, взлелеянные палкою Аракчеева, стали прививать к русской гвардии. Сергей Марин, сам гвардеец, живо отозвался на эти перемены колючими стихами:

Ахти-ахти-ахти – попался я впросак!
Из хвата-егеря я сделался пруссак.
И каску променяв на шляпу треугольну,
Веду теперь я жизнь и скучну и невольну...

В конце 1797 года Марин стал портупей-прапорщиком, а сие значило, что он еще не офицер, хотя при оружии и носил темляк офицерский. К тому времени он уже обрел крамольную славу «карманного» стихотворца, никак не подвластного ни цензуре, ни даже критике.

– Мои стихи, слава Богу, не станут пачкать типографскою краскою, – похвалялся он тем, что его не печатают. – Их купят в лавочке для разных там потреб, в них завернут селедку, сыр или хлеб... Опять же с пользою для читателей!

Не помышляя видеть свои стихи в журналах, Марин пользовался известностью в обществе. Всегда неунывающий, красивый, брызжущий острословием, он был душою военного и светского Петербурга; молодежь ходила за ним по пятам, чтобы услышать едкое словцо, в салонах повторяли его каламбуры. Что с того, если человек еще жив? Марин слагал эпитафии и на живых:

Прохожий, не тужи, что Сукин наш скончался.
Не ядом опился – уставом зачитался.

В сем месте положен наш бравый капитан.
Не мраморы над ним, а пуншевый стакан.

Прохожий, вздохни: Евгенья тут зарыли.
Он умер оттого, что фрак не так кроили.

Под камнем сим лежит известный скоморох:
Над ним висит пузырь, а в пузыре – горох.

Прохожий, подивись, как все превратно в мире:
Рожденный во дворце, скончался он в трактире.

Последняя «эпитафия» – на принца Густава Бирона, который, потеряв надежду на престол в Курляндии, спился по кабакам. Не забыт Мариным и его куафер Игнашка:

Игнашку, чтоб зарыть, немного хлопотали:
Накрыли фартуком да пудрой заметали.
А чтобы знали все, кого сразил здесь рок,
То в кучу пудрену воткнули гребешок...

Все было бы хорошо, но однажды, маршируя на вахтпараде со знаменем в руках, Марин нечаянно сбился с ноги, чем и вызвал бешеный гнев в императоре Павле I:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.